

**Росинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

Причуды сердца, или Бурлеск Поля Скаррона

Тема для обсуждения

К 4 июля - дню рождения французского романиста, драматурга и поэта (1610 -1660)

Принято считать, что глупый человек должен быть здоровым и заурядным, а болезнь и страдания делают его утонченным, умным, т. е. особенным. Почти аксиомой стало и другое мнение: не познав страдания, нельзя понять и счастья. С античных времен мы знаем, что только катарсис очищает нашу душу. Так было в высокой литературе.

Трудно возразить против того, что сострадание, сопереживание возвышают наш дух. А само страдание? И тут жизнь, действительно, вносит свои коррективы. Жизнь показывает, что в болезни нет ничего возвышенного, она мучительна.

Настоящая же трагедия начинается там, где судьба оказывается столь жестокой, что благородную душу поэта облакает в убогое, уродливое тело. Пример тому – французский поэт, романист и драматург **Поль Скаррон**, живший в 17-м веке.

Его душа, *«оскорбляемая убожеством тела, опустилась в низины иронии и сарказма»*. Так писали биографы о нем, Поле Скарроне, мастере бурлеска.

Что такое бурлеск? Бурлеск - это способ передачи высокого низким стилем, а низкого – высоким. Способ разрушать стереотипы, смещать точку сборки восприятия, удивлять, шокировать, возбуждать – и смешить! Бурлеск- это провокация.

Алгоритм любви

Причудой сердца назвал любовь поэт. Вы с этим согласны? Современные молодые люди, погруженные в информационную бесконечность Интернета, мне, наверное, возразят. Скорее всего, с языка поэзии они перейдут на формализованный язык и представят некий алгоритм любви.

Но слишком увлекаться не стоит, ибо алгоритм чувств - особенный, и он не способен дать «результат, определяемый исходными данными». Он очень причудлив, этот алгоритм любви...

Давайте попробуем прикоснуться к нему на примере любви Поля Скаррона к его музе - **Франсуазе д'Обинье**. А сделаем это вместе с читателями библиотеки **«Фолиант» МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»**.

Давайте вместе попробуем разобраться, что за отношения связывали этих людей? Великая любовь или желание самоутвердиться за счет другого? Готовность к подвигу во имя Господа или что-то еще?

От Гваделупы до монастыря урсулинок

Франсуаза д'Обинье более известна в мире под именем госпожи **де Ментенон**, красавицы и благотворительницы, которая основала школу для девушек *«Сен-Сир»*. Вероятно, это произошло из-за того, что ее собственная юность была далеко не безоблачна. С самого детства она переживала исключительно неприятности и невзгоды. Отцом Франсуазы был **Констан д'Обинье**, сын воинствующего гугенота, прославленного во многих исторических романах Агриппы д'Обинье.

Констан находился в долговой тюрьме, когда девочка появилась на свет. Вообще, по свидетельствам современников, значительная часть жизни этого слабохарактерного и не желавшего жить по средствам человека прошла в тюрьме.

Констан всеми силами пытался выбиться из нужды, однако ему фатально не везло. Он перепробовал многочисленные способы быстрого обогащения, вплоть до изготовления фальшивых банкнот, но каждый раз неизменным итогом его бурной деятельности являлась тюрьма.

Кроме того, Констан отличался вспыльчивым нравом. Свою первую жену он заколол кинжалом, поскольку застал ее с любовником. Тем не менее, подобная биография не смутила его новую избранницу - **Жанну де Кардильяк**, которая увлеклась Константином очень серьезно. Она ждала его очередного возвращения из тюрьмы, а супруг каждый раз в промежутках между отсидками ухитрялся оставить ее беременной, и его нисколько не беспокоило, как его жена будет управляться с детьми и хозяйством.

У Жанны и Константа родилось трое детей - **Констан, Шарль и Франсуаза**. Жанна любила своего супруга больше всего на свете и чуть ли не полжизни и все имеющиеся в ее распоряжении средства потратила на то, чтобы уговорить кардинала Ришелье даровать свободу ее непутевому мужу. Кардинал, однако, с освобождением Константа не торопился, считая, что для всех будет лучше его изоляция.

Конечно, Жанна при таком образе жизни не смогла бы хорошо заботиться о детях, поэтому Франсуазу отдали на воспитание ее тетке, сестре отца, мадам де **Виллет**. Девочка видела родителей очень редко, обычно в те моменты, когда праздновалось очередное возвращение отца из тюрьмы. Каждый раз это радостное событие заканчивалось сценами и скандалами между супругами, поэтому Франсуаза никогда не испытывала радости от того, что побывала в доме родителей. Единственное, что примиряло ее с жизнью в отчем доме, - это присутствие брата Шарля, которого она обожала и который впоследствии долгие годы ярмом висел у нее на шее.

Когда в 1642 году кардинал Ришелье умер, Констан получил долгожданную свободу и немедленно решил отдаться во власть очередной бредовой идее. Ему вздумалось вместе со всей семьей отправиться на Антильские острова, поскольку ему почему-то показалось, что там его ждет пост генерал-губернатора.

В это время Франсуазе было десять лет, и она впервые окунулась в чувственную атмосферу южных островов. Там любовь нисколько не скрывалась от девочек ее возраста, а, напротив, считалась совершенно естественной. На Гваделупе Франсуаза получила полный комплекс знаний по тайным предметам, которые, по мнению ее матери, порядочным девушкам знать не следовало, но Франсуаза отличалась сообразительностью, а потому всю новую науку держала при себе, особенно об этом не распространяясь.

На Антильских островах семейство пробыло два года, после чего было решено вернуться во Францию, ибо поста губернатора, как и следовало ожидать, Констан не получил.

По возвращении на родину отец Франсуазы умер, не успев натворить еще чего-нибудь в своем духе. Жанна осталась практически в нищете. Шарля определили пажом к родственникам, а Франсуазу снова отправили к мадам де Виллет.

Девочке нравилось в этом доме. Родные неизменно были добры и ласковы, однако вмешалась религия, и спокойствию Франсуазы настал конец. Дело в том, что она была крещена в католической вере, хотя все родственники с отцовской стороны придерживались протестантских воззрений. И тут появилась другая родственница семейства, мадам де **Нейян**, ревностная католичка и к тому же крестная мать девочки. Она заявила, что несет ответственность за душу ребенка, а потому не позволит обратить ее на ложный путь.

В результате Франсуазе пришлось покинуть дом, где ее так любили, и поселиться у мадам де Нейян, скупой, сухой и набожной. Она не упускала случая попрекнуть свою воспитанницу, что держит ее исключительно из милости. В отчаянии Франсуаза едва не превратилась в атеистку, но потом, здраво поразмыслив, решила, что для нее гораздо выгоднее сделать вид, будто она принимает единственно правильную веру - католическую.

Некоторое время Франсуаза воспитывалась в монастыре урсулинок, но дисциплина в этом заведении отличалась крайней суровостью, и девочка так и не смогла к ней приспособиться. В результате мадам де Нейян забрала ее к себе, а в наказание заставила вести домашнее хозяйство. Франсуазе приходилось пасти индюшек, попутно развлекаясь чтением Пибрака.

Когда девушке исполнилось 16 лет, де Нейян решила, что всякое благодеяние имеет свои пределы, и пора бы уже отдать воспитанницу замуж. Это было сложной проблемой, поскольку Франсуаза была бесприданницей, и, кроме того, ее отец обладал более чем сомнительной репутацией. Перед ней маячило два пути - уйти в монастырь или навеки остаться старой девой. И все же мадам де Нейян не отчаивалась.

Однажды, отправляясь в Париж на переговоры, связанные со свадьбой своей родственницы, она решила прихватить с собой и племянницу - вдруг и ей повезет, кто знает?

В Париже мадам де Нейян и Франсуаза остановились у барона де **Сент-Эрман**. Тот однажды упомянул в разговоре имя известного в столице человека - поэта **Поля Скаррона**.

Квазимодо

Об этой личности ходили самые невероятные слухи. Говорили, что он по натуре известный распутник и мот, не склоненный к изящным выражениям. И все же самые знатные вельможи были готовы в одну минуту бросить свои насущные дела, лишь бы ненадолго увидеться с ним.

Причина этого крылась в том, что господин Скаррон, как никто другой, мог развеселить и рассмешить своими дерзкими и невероятными историями. При этом никого не смущало, что Поль Скаррон - совершенный урод. Вот как он сам говорил о себе:

-До чего я похож на букву Z! Руки у меня короче, чем надо, как, впрочем, и ноги, а пальцы - как руки; словом, перед вами - сокращенный вариант человеческого убожества!

Литературовед **Клод Карон** в своей книге о поэте приводит его портрет: *"У него была слишком большая для тщедушного тела голова, один глаз посажен глубже другого, редкие темные зубы, тело изгибалось дугой, а подбородок почти упирался в грудь... Он не жаловался на свое уродство. Он смеялся сам и смешил других... И люди забывали, что перед ними урод, почти чудовище."*

А ведь когда-то этот человек был потрясающе красив, в то время, когда служил в должности придворного аббата. Какая болезнь поразила его? Общество склонялось к тому, что Скаррон заболел от любовных излишеств.

Возможно, это была недолеченная мужская болезнь, а может быть, таким образом проявились последствия костюмированного бала, который Скаррон окончил на болоте в обнаженном виде. С тех пор он лечился у многих врачей, но предпринятое лечение не только не принесло успеха, но и сделало его положение еще более плачевным.

Поль Скаррон был человеком остроумным и отважным. Он никогда не боялся открыто бичевать пороки и подвергать безжалостному осмеянию сильных мира сего, его не пугал их гнев. По всему Парижу светские щеголи разносили меткие эпиграммы Поля Скаррона и его изощренные непристойности.

Брак с калекой - отличный вариант!

Мадам де Нейян выразила желание лично познакомиться со столь необычным человеком. Отправляясь в гости к Полю Скаррону, она прихватила с собой и Франсуазу. Там, как обычно, собралось самое блестящее общество. Пока мадам де Нейян разглядывала людей, с которыми было бы совсем неплохо познакомиться, Франсуаза с болью в сердце наблюдала, как несчастный калека управляется в своем механическом кресле: только благодаря простейшим приспособлениям ему удавалось совершать

некоторые, очень ограниченные движения. В сущности, в этом теле оставались живыми только пальцы.

При виде столь жалкого зрелища Франсуаза разрыдалась. Гости бросились ее успокаивать, а багровая от стыда мадам де Нейян поспешила увести *«эту глупую и неловкую»* племянницу.

Франсуазу снова увезли в провинцию, однако за несколько дней, проведенных в Париже, она успела подружиться с мадемуазель де Сент-Эрман. Между девушками завязалась оживленная переписка, и Франсуаза, практически лишенная нормального общения, много рассказывала о своих мыслях и чувствах, обо всем, что приходило ей в голову.

Спустя некоторое время мадемуазель де Сент-Эрман взбрело в голову показать некоторые из этих писем Полю Скаррону, и тот необыкновенно заинтересовался живым умом провинциалки (он вспомнил: это была та самая девушка, что так горько плакала у него на приеме).

Скаррон попросил мадемуазель де Сент-Эрман рассказать ему побольше о своей подруге. Особенно его заинтересовало, что Франсуаза какое-то время жила в Америке: он надеялся, что в той далекой стране имеется средство, способное исцелить его от страшного недуга.

Поль Скаррон решил написать Франсуазе. Они стали регулярно обмениваться письмами. В те времена это было обычным явлением, однако мадам де Нейян решила воспользоваться случаем и пристроить свою родственницу. Она полагала, что брак с калекой - это гораздо лучший вариант, нежели любовные приключения на стороне.

Поль Скаррон быстро догадался о расчете мадам де Нейян, однако его это, с одной стороны, забавляло, а с другой - позволяло и дальше вести переписку с девушкой, к которой испытывал искреннюю жалость.

Надо сказать, что и сам он имел некоторый расчет, полагая, что уж если ему когда-нибудь придется вступить в брак, то только с равной ему девушкой, то есть с такой, которая всю жизнь страдала от плохого обращения.

Франсуаза как нельзя лучше подходила на роль его жены. К тому же она была хороша собой и выглядела очень соблазнительно. И, кроме того, она еще обладала острым умом, а это вдохновляло старого поэта еще больше.

Вскоре мадам де Нейян снова приехала в Париж. При этом она всячески старалась устраивать встречи своей воспитанницы со Скарроном.

Лучше замуж, чем в монастырь?

Оба этих человека были глубоко несчастны, каждый по-своему, а потому естественно, что между ними довольно скоро установилась близость. Франсуаза с интересом слушала Скаррона. Он был прекрасным собеседником. Возможно, впервые в жизни девушка встретила человека, которому можно было доверить все свои секреты. По мере общения со Скарроном она совершенно перестала обращать внимание на его ужасающее уродство. Он же сам не заметил, как влюбился в юную красавицу. Остроллов сделался на удивление робким. Он боялся признаться в своей любви, растеряв всю былую распушенность.

Скаррон много рассказывал Франсуазе о собственной жизни - о юности, о втором браке отца, о ненависти мачехи, о том, как он был прежде хорош собой и о том, как в 28 лет его поразила эта ужасная болезнь... О том, как он долго и бесполезно лечился, и о том, что, скорее всего, именно эти лекарства усугубили его состояние.

Однажды Поль, сильно смущаясь, предложил девушке некоторую сумму денег, с помощью которой она смогла бы выбирать между монастырем или замужеством, но Франсуаза решительно отказалась: ей лучше других было известно, как нуждался сам Скаррон.

Мадам де Нейян тем временем все больше склонялась к тому, чтобы отдать Франсуазу в монастырь. Девушка как-то в беседе со Скарроном пожаловалась, как страшно, по ее мнению, оказаться в монастыре, не имея к этому ни малейшего призвания. Поль немедленно предложил ей стать его женой, и девушка сразу приняла его предложение.

Французский мемуарист **Таллеман** утверждает, что при этом Франсуаза сказала: *«Лучше замуж, чем в монастырь»*, однако не думается, что все обстояло настолько цинично. Она привязалась к Скаррону по-настоящему. Он был умен и добр по отношению к ней, а она так редко встречала в жизни доброту...

Получив согласие Франсуазы на брак, Скаррон заметно повеселел и оживился. Он продал свой сан каноника за три тысячи ливров, которые затем перевел на счет Вест-Индской компании, надеясь вместе с молодой женой позже совершить путешествие в Америку.

Долгожданный брачный контракт был подписан в начале апреля 1652 года. Когда королева узнала о свадьбе Скаррона, она язвительно заметила: *«Жена для него - наиболее бесполезный предмет обстановки»*.

Фиктивный брак?

Друзья сгорали от любопытства, как сможет Скаррон исполнять свой супружеский долг, а великий насмешник, не желая, чтобы над ним самим смеялись, говорил, как будто бросая вызов: *«Никаких глупостей я с ней не делаю, зато прекрасно учу ее им!»*.

В обществе говорили, что этот брак – откровенно фиктивный. Но вряд ли он мог считаться таковым, ведь, несмотря на болезнь, Поль не утратил естественных желаний, и ему было всего 45 лет. Но он был прикован к кровати и даже повернуться без посторонней помощи не мог. Его жена была молода и, естественно, много мечтала о любви, а что получила взамен? Поль был расстроен до предела, но скрывал свои чувства за шутками и издевательствами: слезы он не мог себе позволить.

Он любил Франсуазу безумно. Она же вряд ли могла ответить ему тем же: конечно, она испытывала к нему очень теплые чувства, но все же это было не то, чего он жаждал! Поль снял для Франсуазы дом и все имеющиеся у него в наличии деньги вложил в обустройство интерьера. Он изо всех сил старался обеспечить жене достойную жизнь и не мог не предполагать, что она тоскует. Ему так хотелось угодить ей, и он постоянно робко спрашивал свою жену: *«А это нравится тебе, душенька?»*.

Поль считал, что у Франсуазы обязательно должны быть служанки. Он нанял горничную, кухарку, белошвейку. Не дай бог, его жена исколола бы себе пальцы при шитье белья! И все это притом, что Поль постоянно нуждался и даже в шутку прозвал свой новый особняк *«Дом безденежья»*.

Однако следует принять во внимание реалии того времени, чтобы понять, что Скаррон делал все самое необходимое, насущное. Без прислуги прожить было практически невозможно. Каждый день требовалось носить большое количество воды, причем издалека. Необходим был постоянный присмотр за масляными лампами и сальными свечами. Платья и белье шились исключительно в доме. При этом традиционно еда в те времена отличалась изобилием, но способы ее приготовления и продукты были крайне примитивны, а потому завтраки, обеды и ужины готовили практически непрерывно, начиная с самого раннего утра.

Поль рассуждал: на самом деле есть ли у него причины для жалоб? Ведь он имеет все, о чем только может мечтать человек. У него любимая жена, дом, всегда полный друзей. Хотя... – говорил время от времени внутренний голос – эта жена - только по названию, дом отнимает все деньги, а друзья проедают все, что удастся с таким трудом заработать...

Весть о том, что знаменитый Поль Скаррон женился на юной хорошенькой женщине, стремительно облетела весь Париж. К нему постоянно приходили не только друзья, но и те, кто раньше не испытывал желания общаться с ним. Впрочем, к Скаррону попасть было довольно просто. Для этого требовалось принадлежать к кругу аристократов, быть готовым выслушивать смелые шутки хозяина дома и самому проявить себя в качестве хорошего рассказчика. Поль не терпел только откровенно глупых людей.

Гости восхищались Франсуазой. Она была неизменно очаровательна, умна и весела. Естественно, практически каждый мужчина, увидев ее, предполагал, что ее нетрудно будет соблазнить. К тому же в то время добродетель отнюдь не считалась чертой, достойной уважения. Верность супругу расценивалась как предрассудок, граничащий с ханжеством и занудством.

Я хочу, чтобы меня уважали!

Тем не менее, молодая хозяйка дома всегда была предельно сдержанна. Гости слегка удивлялись, но подобное обстоятельство поначалу их не обескураживало. Они предположили, что Франсуаза желает пройти все положенные условности, принятые в области, касающейся нежных чувств. Поэтому мужчины не теряли надежды и проявляли невероятное усердие, чтобы заслужить хотя бы улыбку или нежный взгляд Франсуазы.

Иные даже заключали пари: тот, кому удастся добиться благосклонности неподкупной Франсуазы, получил бы приз в 20 тыс. ливров. Ставки все увеличивались, а победителя так и не было.

Наконец Франсуаза ясно дала понять гостям, что она не продается даже за все золото мира. Известно ее признание одной из ближайших подруг: *«Связав свою жизнь с этим несчастным калекой, я оказалась в высшем обществе, где меня ценили и почитали. Я не гонюсь за богатством, я на десять голов выше всякой корысти, но я хочу, чтобы меня уважали».*

Высший свет с доставкой на дом

Итак, гости Скаррона разочаровались в надежде покорить его жену, и они посещали его знаменитую Желтую гостиную ради него самого. Эта Желтая комната пользовалась такой же славой, как и Голубая гостиная упоительной маркизы **де Рамбуйе**. Разница состояла в том, что беседы в салоне маркизы отличались рафинированной изысканностью и деликатностью, тогда как у Скаррона обычно смеялись над почти непристойными мадригалами и резкими эпиграммами.

Скаррон вошел в моду. Его посещали самые знатные господа. За весело проведенное в Желтой комнате время они платили деньгами и подарками. Однако деньги как приходили, так и уходили, и вряд ли кто-либо мог определенно сказать, куда они девались. Они исчезали, как песок сквозь пальцы.

Франсуаза поначалу надеялась изменить мужа, но вскоре поняла, что это невозможно. Она смирилась, приняв данный ритм жизни, и попыталась приспособиться к нему, четко усвоив: профессия писателя никогда не предусматривает четкости в финансовых поступлениях в семейный бюджет.

У Скаррона бывал весь Париж: академики и военные, красавицы и аббаты, танцовщики и музыканты, живописцы и поэты. Представители богемы собирались у кровати больного, поскольку тот уставал в своем инвалидном кресле. Поль чувствовал себя в эти минуты почти счастливым. Он знал, что это делается только ради Франсуазы: ведь она так любит высшее общество, так хочет регулярно бывать в нем. Он же лишен возможности выводить ее в свет, а если это так, то пусть тогда высший свет сам приходит к нему.

Однако абсолютной гармонии в природе и в жизни не существует, и вскоре в дом Поля начали проникать также проходимцы всех мастей и девицы, не отличающиеся

строгостью нравов. Этих паразитов Скаррон то ли не замечал, то ли просто не хотел замечать. Ему была интересна реакция на его сочинения любой публики, и не только принадлежащей к высшему свету. Его развлекали все, будь они хоть немного интересны. Он и в самом деле любил людей и просто не смог бы бесцеремонно выставить за дверь человека.

Едва наступало время приема пищи, все гости собирались за столом вне зависимости от их численности. При этом чаще всего они сами же себя и приглашали. Следует отметить, что большинство гостей знали, в каком тяжелом материальном положении находится Скаррон, и они приносили с собой что-либо из еды.

В результате обеда у Поля больше напоминали веселые пикники. Если ему удавалось подзаработать денег, то немедленно устраивался роскошный пир. В такие дни Скаррон был очень счастлив, и его шутки становились особенно вольными и даже смущали видавших виды гостей; однако такова уж была его манера показать, как он доволен.

Но Франсуаза была воспитана в ином духе, и часто подобная атмосфера претила ей. Когда обстановка в комнате становилась, мягко говоря, раскованной, особенно когда звучали чрезмерно фривольные шутки и делались нападки на церковь, она, не говоря ни слова, поднималась со своего места и удалялась.

Почти никогда ее отсутствие не замечали: она все делала тихо и незаметно. При этом, однако, никто не смог бы пожаловаться, что Франсуаза бросила неодобрительный взгляд, не говоря уж о словах.

Удалившись на свою половину, она непременно оставляла дверь приоткрытой. Сидя у окна за шитьем, Франсуаза ждала, когда хохот в Желтой комнате начнет стихать. Едва вновь гости начинали говорить о литературе или других искусствах, она возвращалась и охотно присоединялась к беседе, которая не могла оскорбить ее чувств.

Поль же часто менялся в лице, стоило жене вступить в разговор. Он начал грубить ей, не стесняясь посторонних, попрекать. При этом он не боялся, что жена скажет что-то не то. Он безумно ревновал ее...

Когда она говорила, на нее смотрели все. Скаррон не мог помешать смотреть на нее другим. Он постоянно сравнивал в эти мгновения свое тело, изуродованное болезнью, со стройными фигурами гостей, и тогда ненавидел и весь свет, и самого себя, и своих даже самых лучших друзей. Поль надеялся своей грубостью выгнать из комнаты Франсуазу, чтобы она, наконец, сделалась недоступной для взглядов мужчин.

Франсуаза все терпеливо сносила и предпочитала закрывать глаза на поведение мужа. Во многом это происходило из-за ее любимого брата **Шарля**, типичного паразита по натуре. Шарль быстро понял, что может здесь постоянно получать легкие деньги, и пользовался этой возможностью. При этом он обращался с просьбами об одолжении не к сестре, а к ее мужу, нисколько не стесняясь того обстоятельства, что у самого-то Шарля положение было гораздо более стабильным (в это время он находился на службе при инфантерии кардинала Мазарини).

Поль всегда находил оправдания откровенно безответственному поведению Шарля, говоря, что тот – самый бедный из французских дворян и, кроме него, Поля, ему некому помочь.

Когда гости расходились, Франсуаза шла в комнату мужа. Обычно в это позднее время Поль тихонько наигрывал на лютне, беседовал с женой, показывал ей то, что успел написать. Ему было интересно выслушать ее мнение, внести поправки, которые та считала необходимыми. Он обучал ее языкам – латыни, испанскому и итальянскому. Он учил ее писать, притом не просто писать (этим искусством она владела от природы), а так, чтобы написанное нравилось читателю.

Это были минуты наибольшей близости: ведь физическая близость обоих заставляла невероятно мучиться, после чего они делались противны сами себе. Подобная жизнь продолжалась семь лет.

Скаррон все более страдал от своей болезни. Он практически не мог спать, а потому накачивался снотворными и опиумом, но это все равно не помогало. С ним становилось все труднее общаться, и только к вечеру Полю удавалось взять себя в руки и снова стать прежним шутником, каким его привыкли видеть.

Только она радует меня постоянно...

Он все больше беспокоился о том, что ждет Франсуазу в будущем. После его смерти она останется нищей и будет вынуждена пресмыкаться перед сильными мира сего. Скаррон занялся алхимией, надеясь с ее помощью сделать жену богатой и независимой, а следовательно, свободной. Естественно, поиски философского камня не увенчались успехом.

Скаррон занялся написанием пьес. Все они ставились и приносили неплохой доход, но деньги по-прежнему не держались в этой семье. Поль буквально увяз в долгах, и, кроме того, его постоянно обирали (в частности, брат Франсуазы Шарль). Поль давал ему деньги, скрываясь от жены, прекрасно зная, что непутевый родственник либо пропьет их, либо прогуляет. Но как он мог отказать, если это был брат его любимой Франсуазы? Шарль никогда не отдавал долгов, и Скаррон постепенно расставался со своим недвижимым имуществом - фермами и землями.

Кредиторы одолевали его со всех сторон, причем худшим из них являлся домовладелец, которому были абсолютно безразличны литературные таланты Скаррона. Он понимал только одно слово - «деньги» и мог запросто выбросить на улицу Поля, но самое страшное - Франсуазу. Этого Поль не мог стерпеть. Он писал униженные прошения, лгал и льстил кредиторам. Он был готов на все ради любимой: только бы на ее долю не выпали унижения.

К этому времени друзья практически перестали навещать несчастного калеку, потому что при их визите он непременно просил денег. У Скаррона практически не осталось одежды, а денег не хватало ни на еду, ни на дрова. Однако было и гораздо более худшее обстоятельство, нежели безденежье: Франсуаза начала вести самостоятельную, независимую от него жизнь.

Теперь она уходила на весь день, облаченная в свое единственное нарядное платье - шелковое, цветастое, в котором выглядела нестерпимо юной и прекрасной. Франсуаза направлялась в какой-нибудь светский салон или в Лувр (она была принята при дворе), а Скаррон провожал ее тоскливым взглядом из окна.

На целый день он оставался один в насквозь промерзшей комнате. У него не было друзей; на его зов не приходили даже слуги: он давно уже не мог им платить, а те оставались в доме исключительно в надежде хоть когда-нибудь получить свой гонорар. Естественно, при таких условиях от прислуги нельзя было требовать служебного рвения.

Когда жена возвращалась домой под вечер, Поль много шутил, был весел и каламбурил. А Франсуаза аккуратно снимала свое нарядное платье и надевала простенькое серое платьице. Она садилась рядом с мужем и тихонько рассказывала, как провела этот день.

Поль старался не подавать вида, насколько мучительно ему слышать о той, другой жизни. Он пытался найти подоплеку и тайный смысл в каждой оброненной ею фразе. С кем она виделась? Какие комплименты слушала? А вдруг есть нечто, что она от него скрывает? Вдруг ей кто-то понравился?

Но в рассказах Франсуазы никогда не было тайного смысла. Она всегда была выше каких бы то ни было подозрений, и колкости несчастного Поля рассыпались в прах при встрече с этой непоколебимой и холодной красотой.

В глубине души Скаррон понимал, что его ревность необоснованна. Перед смертью он говорил: *«Единственное, о чем мне приходится горько сожалеть, так это о том, что*

я не в силах оставить моей жене наследство, в то время как она, как никто другой, этого заслуживает. Только она радует меня постоянно».

В конце жизни Скаррон получил приличный пенсioen от суперинтенданта финансов Фуке. Поль был безумно обрадован, но получаемые деньги, как и раньше, тратил направо и налево. Он все раздавал. Так уж он был устроен, и ничто на свете не могло его изменить.

Последние месяцы жизни поэта были мучительными. Самое страшное - его пальцы больше не могли держать перо. Он больше не писал, и это означало для него смерть. Он знал, что скоро умрет, и единственное, что заботило его в это время, как он оставит свою любимую совсем без денег. Эта мысль была гораздо мучительнее, чем болезнь: Поль понимал, что взял Франсуазу бедной, а оставляет нищей.

Умереть «по-хорошему»?

А Франсуаза решила заставить мужа умереть «по-хорошему», что в ее понятии значило примириться с Богом и отречься от бывшего скепсиса. Старые друзья поэта были в ужасе. Они умоляли Франсуазу оставить умирающего в покое, не лишать его хотя бы своих убеждений; к тому же они хотели уверить беднягу Скаррона в скорейшем выздоровлении. Но Франсуаза была непреклонна, а Поль хотел только того, чего хотела она. Ради нее он готов был отказаться даже от собственных взглядов.

Итак, Поль согласился принять священника и исповедаться. Он сделал то, что вызывало в нем презрение и насмешку. Он отказался от себя ради любви к Франсуазе. Раз уж невозможно было стать богатым и здоровым, то можно было отказаться от самого себя, от всей своей жизни... И он сделал это.

Поль Скаррон умер 7 октября 1660 года. И не успело еще остыть его иссушенное болезнью крохотное тельце, как Франсуаза затеяла тяжбу, надеясь получить хоть что-нибудь.

История сохранила ее письмо: *«В случае благополучного завершения тяжбы я получу четыре или пять тысяч франков, свободных от долгов. Это все состояние моего бедного мужа, у которого в голове были одни химеры и который разбазаривал все, что имел, в поисках философского камня или еще какой-нибудь подобной ерунды».*

Гроб Скаррона, маленький, как у ребенка, вынесли из дома, где он столько смеялся, любил, где он был столь щедр к многочисленным друзьям. Вынесли под покровом ночи. Франсуаза шла за гробом в абсолютном одиночестве и наслаждалась своей победой: известного всем нечестивца хоронили по католическому обряду.

Служба прошла скромно, но Франсуаза даже не подумала ее оплатить. На месте захоронения Скаррона она не поставила даже камня с его именем, поэтому остается только гадать, под церковными плитами он захоронен или в общей могиле. Этого никто никогда не узнает.

И в заключение приведу поразительное высказывание **Франсуазы д'Обинье**, над которым размышляю уже не первый день:

«Я не рождена для того, чтобы быть счастливой, но мы, люди верующие, считаем такие испытания знаком Господним и с радостью кладем все, чем владеем, к подножию Креста».

Что это? Великая, (но непонятная мне) любовь к конкретному человеку-инвалиду? Самоутверждение за счет другого и желание доказать свою правоту любым способом? Готовность к подвигу во имя Господа? Или верх цинизма и холодности?

Библиография

Его произведения:

1. Скаррон П. Комедии. - М., 1964.
2. Скаррон П. Комический роман. - Л., 1934.
3. Скаррон П. Стихи// Европейская поэзия XVII в. - М., 1977.

О нем:

1. Безелянская А. Поговорим о странностях любви / Анна Безелянская. - М.: Алгоритм, 2003.- 182с.
2. Герасимов А.Е., Ляхова К. А., Останина Е.А. Любовные истории/ Алексей Евгеньевич Герасимов Кристина Александровна Ляхова Екатерина Александровна Останина// http://www.modernlib.ru/books/ostanina_ekaterina_aleksandrovna/lyubovnie_istorii/read_3/
3. Ирой-комическая поэма/Ред. и прим. Б. В. Томашевского.- Л., 1933. - (Сер. «Библиотека поэта»).
4. Смирнова Е. Моя прекрасная няня Франсуаза де Ментенон/Елена Смирнова // Космополитен: журнал. - 2008. - № 3(март). - С. 532-534.
5. Франс А. Поль Скаррон// Франс А. Полн. собр. соч., т. XX. - М.: Литература и жизнь, 1931.
6. сайт <http://feb-web.ru/>
7. <http://www.burlesqueen.ru/lyalya/blog/79-professional-burleska> - о бурлеске

Скаррон П. фотопортрет

Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон. 1694